

Естественно, как дыхание...

В. АРДАМАТСКИЙ

Октябрь 1941 года. Ленинград. Ожесточеннейшие сражения вокруг города. Немцы все еще рассчитывают войти в столь близкий, уже видимый им Петербург. С истерическим ожесточением они бросаются в атаки. Но их атакам противостоит благородное мужество: немецкие атаки захлебываются в крови, — они безрезультатны.

Эта стойкость Ленинграда стоит многих жизней. Утром я был у Пулкова. Командир дивизии не стал со мной разговаривать. «Я отбил атаку», — сказал он мрачно и протянул мне листок донесения о потерях. Хотелось думать, что сводка ошибочна.

«Эх, писатель, писатель, — тяжело вздохнув, сказал мне пожилой солдат — вестовой командира, — как шли на смерть наши люди!.. Герои!». И, видимо, вспомнив кого-то, быть может своего заветного друга, он отвернулся и украдкой смахнул слезу. В ложине молчаливые солдаты укладывали своих товарищей в огромную братскую могилу...

К вечеру я поехал на другой сектор фронта, на аэродром истребителей морской авиации. Здесь тоже были немалые потери. Командира полка я застал у приемника. Он слушал Лондон. Пространно комментировалась очередная речь Черчилля. Очень часто, почти в каждой фразе, звучали слова: «мужество», «стойкость», «терпение».

«Воевать надо, мистеры! — злобно крикнул приемнику полковник... — Воевать!» Он рывком выключил приемник и, узнав, что я хочу побеседовать с отличившимися летчиками, задумался и тихо сказал:

«Одних уж нет, другие... — он улыбнулся, — еще не успели отличиться. Сходите в землянку к Каберову, он уже двух немцев сшиб. Сегодня он герой полка! Прямо через поле, крайняя землянка».

Я уже подходил к землянке, когда с душе-раздирающим воем, казалось, над самой головой, пролетел снаряд, и в следующее мгновение елочка где-то с окраины летного поля взлетела вверх и, нелепо кувыркаясь, упала. Воздушная волна взрыва и грохот приблизили меня к земле. Мимо кто-то пробежал, видимо, заметил меня, остановился, вернулся и неестественно громко прокричал:

«Нашел место! Быстро в блиндаж!».

Я вскочил и побежал за человеком. Мы ворвались в блиндаж вместе с новой воздушной волной. Блиндажная дверь крякнула и с грохотом захлопнулась за нами. Керосиновая лампа чихнула копотью, чуть не погасла. Тотчас гармонь подхватила, наверно прерванную, веселую мелодию частушечного склада. Я осмотрелся: землянка была полна народа. В углу, как мне показалось, сидел мальчик, почти до половины лица закрытый баяном. Он проиграл вступление и запел:

«Ваня никнет головой,
Где же, братцы, фронт второй?
Ты на первом фрицев бей,—
Тот откроется скорей...»

Кругом захохотали. Где-то близко ударил снаряд, в щели блиндажных стен посыпалась земля. Но баянист как ни в чем не бывало продолжал:

«Что ты, Костя, нос повесил,
Что летаешь ты не весел?
Фриц не хочет сам сбиваться,
Надо, значит, постараться...
Фриц стреляет, да стреляет,
И того, дурак, не знает...».

В это время распахнулась дверь и частушку обоюдал приказ:

«Техсостав, к самолетам!».

Несколько человек вскочили и выбежали из землянки. Я увидел баяниста уже в полный рост. Он действительно выглядел мальчиком лет пятнадцати и, с удивлением взглянув на меня, спросил:

«Вам кого?».

«Командир полка послал меня к Каберову. Я из редакции».

«А Каберов. Что вы...».

Герой Советского Союза майор И. Каберов.
Фото Г. Дубинского.

Дальше я не расслышал: стеганул новый, какой-то тройной взрыв.

«Вот бьет, собака!» — сказал Каберов, когда стихло.

Я разглядывал Каберова с таким, наверное, явным недоверием, что он улыбнулся и сказал:

«Так что же вам надо от Каберова, то есть от меня? Как ваша фамилия?»

Мы познакомились. Разговор завязался сразу. Каберов начал рассказывать, как он сбил двоих немцев, сам увлекся рассказом и, как все летчики, иллюстрировал описание боя движениями ладоней. Рассказ о воздушном сражении дошел до того места, когда Каберов ринулся на «мессершмитта» в решающую атаку... и вдруг оборвался. Мне показалось, что у летчика перехватило дыхание. Я невольно глянул на него и увидел прищуренные, горящие гневом глаза, сжатые зубы и вздрагивающую скулу. Каберов смотрел на свою ладонь, обозначавшую самолет врага.

«И метров с десяти я всадил ему длинную очередь», — медленно сказал он, второй ладонью сделал крутой взлет и улыбнулся задорной мальчишеской улыбкой. «И горел «мессер», как венчальная свеча», — закончил он уже весело и лихо.

Я стал расспрашивать Каберова о его жизни до войны.

«Вот привязались! — воскликнул он, но, увидев мой удивленный взгляд, рассмеялся и добавил: — Это я о немецких пушкарях».

Обстрел аэродрома продолжался.

...Жизнь Игоря Каберова была простой и ясной. Он родился в 1917 году. Отец был вологодский крестьянин, потом рабочий, солдат царской армии, красногвардеец, активный участник гражданской войны. После тяжелого ранения он ослеп. Это было большим горем. В прежние времена пятерым его ребятам пришлось бы с сумой пойти по деревням. Но советская власть была отвоевана, она изменила жизнь огромной страны, и ее судьба стала судьбой миллионов людей. Дочь и сын слепого Александра Каберова выучились на педагогов, трое сыновей стали офицерами Со-

ветской Армии. В 1930 году отца повезли в Москву, и здесь лучшие ученые сделали ему операцию, восстановили зрение... Старик Каберов немедленно вернулся к труду. Он не мог не работать.

Игорь окончил семилетку, потом ФЗУ. Был пионером, стал комсомольцем. Он работал на заводе, когда его увлекла мечта научиться летать. Игорь не мог объяснить мне, как родилась эта мечта.

«К тому времени многие из наших вологодских стали кто врачом, кто инженером, кто машинистом на паровозе, кто — даже морским капитаном. Надо было только выбрать дорогу, твердо решить, кем ты хочешь стать. А я еще мальчиком все стремился быть впереди. Если у меня удочка, то уж самая длинная, если нырнуть под воду, то уж дольше всех. Может, мне этим хотелось восполнить нехватку роста. Ростом я, как видите, не вышел. Меня дразнили «сучком» и «чижином». Ну вот я и решил: покажу, какой я «сучок» да «чижик!» Стану летчиком. И стал летчиком! Вот и все!».

В землянке раздался телефонный звонок. Звонили из блиндажа командования. Игорь Каберов послушал и сказал в трубку:

«Есть. Сейчас буду. Нет, сейчас».

Положив трубку, он повернулся ко мне:

«Извините, мне надо идти. Прибыла парткомиссия, мне будут вручать партбилет».

И он ушел. Обстрел аэродрома продолжался. Каберову к блиндажу командования пришлось добираться ползком. Мы узнали об этом, когда он вернулся. Летчик был весь в земле. Войдя в землянку, он остановился у дверей, прислушался к разрыву снаряда и как бы про себя сказал:

«Дурье немецкое! Думали: помешаете?».

Да, они не могли помешать. Жизнь шла своим чередом, и теперь передо мной был Игорь Каберов — член Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).

Мы возобновили беседу. Я заметил, что Игорь вместо слова «война», говорил «работа». «Мы начали работать над Кронштадтом... «Работу на фронте надо исполнять точно... и т. д. Война для него была, как это ни парадоксально, продолжением жизни, труда...

«Берлинские бандиты», — сказал он, — навязали нам войну, но раз уж она — война — началась, надо работать, работать точно и еще упорнее, сосредоточенней, чем в мирные дни. Счастье строилось трудом всех, все должны и защищать это счастье».

Игоря Каберова не мучили сомнения в исходе войны. Тогда, в октябре 1941 года, под Ленинградом, когда немецкая артиллерия вела почти прицельный огонь по их аэродрому, он вдруг сказал мне:

«Напишите-ка в газете, чтобы своевременно были отпечатаны летные карты Германии. А то я спросил в штабе, хотел поглядеть, а мне сказали: таких карт нет».

* * *

Через шесть лет случайно в Москве я снова встретил Игоря Каберова. Передо мной стоял майор — Герой Советского Союза, кавалер пяти орденов.

«Учусь в Военно-Воздушной академии, — сказал он. — Два моих брата погибли на войне, и я теперь должен служить Родине за троих».

Мы провели с ним целый вечер. Он сообщил мне, что за время войны сбил 28 немецких самолетов, стыдливо признается, что пишет стихи (частушки на фронте, оказывается, были сочинены им), рассказал, что у него растут двое детей: дочка Нина уже пошла в школу, сыну Валерию 5 лет. Потом Каберов прочитал мне большое стихотворение, которое называлось «Возвращение домой». Там были такие строфы:

«Внизу плывет чудесная картина.
Земля прикрыта дымкою едва,
Большая вологодская равнина
Под голубыми крыльями «У-2»...»

...Я в дом вошел с геройскою звездой,
Старуха-мать от радости в слезах,
Старик-отец, качая головою,
Никак не разберется в орденах».

«Хорошо сложилась жизнь», — сказал я Каберову на прощание.

Он ответил, смеясь:

«Все сложилось естественно, как дыхание».

Этой фразой майора Игоря Каберова я и озаглавил свой очерк.